

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ЧУМАЧЕНКО Виктор Кириллович

кандидат филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник отдела
комплексных проблем изучения культуры
Южного филиала Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева
Краснодар, Россия

Victor K. CHUMACHENKO

Cand. Sci. (Theory of Literature), Prof., Leading Researcher,
Department for Complex Problems of Cultural Research,
South Branch of the Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia

vchum@rambler.ru

Ейский поэт Иван Подушко: к антропологии провинциального литератора¹

Yeisk Poet Ivan Podushko: to the Anthropology of Provincial Writer

Статья посвящена жизни и творчеству ейского поэта второй половины XIX столетия И. П. Подушко, которого современная ему критика относил к эпигонам Т. Г. Шевченко. Автор на основе редких сохранившихся документов отделяет «поэтизированную» биографию поэта от реальной. Сын крепостного, вынужденный с детства пробиваться в жизни тяжелым трудом, оказывается в итоге купеческим сыном, сделавшимся в конце концов хозяином собственной лавки, почетным мировым судьей и уважаемым гражданином. В статье анализируется единственный поэтический сборник И. П. Подушко «Починок» и редкие газетные публикации. Автор доказывает, что при всех робких попытках поэта-самоучки петь своим голосом, он всю жизнь шел по дороге, проторенной Кобзарем, вторил ему и в выборе поэтических форм, и героев, и любимых мыслей. В то же время отмечается большой вклад провинциального писателя в развитие общественной и культурной жизни кубанского города-порта. В приложении даются характерные образцы его поэтического творчества в новых переводах на русский язык.

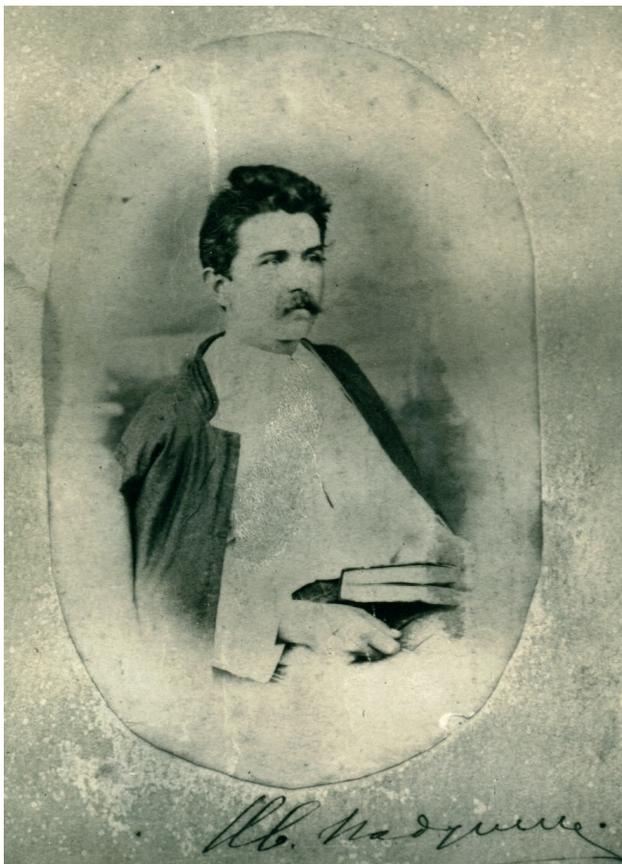
Ключевые слова: поэт Иван Подушко, культурная жизнь Ейска, украинская литература Кубани, эпигоны Т. Шевченко.

The article is devoted to the life and work of Ivan P. Podushko, a poet of the second half of the 19th century, who was ranked among the imitators of Taras Shevchenko by contemporary criticism. The author, on the basis of rare surviving documents, separates the «poeticized» biography of the poet from the real one. The son of a serf, forced from childhood to make his way through life by hard work, turns out to be a merchant's son, who eventually became the owner of his own shop, an honorary justice of the peace and a respected citizen. The article analyzes the only poetical collection of Ivan P. Podushko «Pochinok» and rare newspaper publications. The author proves that despite all timid attempts of the self-taught poet to sing with his own voice, Ivan P. Podushko spent his whole life along the road beaten by Kobzar, echoed him in the choice of poetic forms, heroes, and favorite thoughts. At the same time, a great contribution of the provincial writer to the development of public and cultural life of the Kuban port city is noted. In the appendix are given the typical samples of his poetic creativity in new translations into Russian.

Keywords: poet Ivan Podushko, cultural life of Yeysk, Ukrainian literature of the Kuban, imitators of Taras Shevchenko.

¹ Публикуемые в тексте фотографии И. П. Подушки и его дома представлены Ейским историко-краеведческим музеем им. В. В. Самсонова, за что автор статьи выражает его сотрудникам истинную признательность.

Кубанского поэта Ивана Порфирьевича Подушко¹ (ок. 1850–1895), творившего во второй половине XIX столетия в портовом Ейске, сегодня вспоминают очень редко. Писали о нем в недавнем прошлом лишь местные краеведы старшего поколения (Г. Клименьев, Е. Котенко), но их уже нет в живых, а новое поколение «краелюб» довольно равнодушно к литературной летописи родного города. А ведь в культурной жизни своей эпохи он занимает заметное место. Наделенный литературным даром ейчанин выступал в региональных изданиях Кубани и Дона как хроникер, печатал стихи на украинском и русском языках, устраивал для земляков народные чтения на специальной лавке, установленной перед входом в его магазин, вместе с немногочисленной местной интеллигенцией хлопотал об открытии первой публичной библиотеки.

Иван Порфирьевич Подушко (ок. 1850–1895) - кубанский поэт

¹ В кубанской прессе украинские фамилии, оканчивающиеся на -ко, традиционно было принято склонять, не будем и мы пренебрегать этой региональной языковой особенностью.

Единственная книга его стихов «Починок Ивана Подушки» вышла в 1871 году в Петербурге [6]. Уже тогда немногочисленные критики, обратившие на нее внимание, отнесли поэта к эпигонам Т. Г. Шевченко. Названная литературная болезнь не была единичным фактом только его личной биографии. Подражание Кобзарю как одно из магистральных направлений в украинской поэзии дало о себе знать еще при его жизни, а после смерти приняло характер затяжной эпидемии. Первым зорко подметил это явление и поставил ему диагноз И. Я. Франко. В 1902 году он писал: «Когда в 1861 г. в Петербурге умер Шевченко, он взял с собою в могилу целый отдельный период нашей литературы, целую отдельную манеру поэтического творчества. Той дорогой, которую первым проложил и до конца прошел он, идти дальше было некуда; тот отдельный стиль, который привнес он в нашу поэзию, был присущ ему, был его индивидуальным стилем. Хотя и легко получалось наследовать ему, но в руках других он выходил бумажным цветком, а зачастую смахивал на карикатуру. При этом влияние поэзии Шевченко было так сильно, чары его слова такими стойкими, что в понимании многих украинцев украинская поэзия могла выразить себя только в этой, освященной Шевченко форме, только его стиль казался по-настоящему поэтичным, только его мелодии «отвечали духу украинской национальности», только в том направлении необходимо было идти дальше» [9, с. 223].

Красноречивую иллюстрацию к своему тезису И. Франко нашел бы в личности и творчестве кубанца – Ивана Подушки, который творил и выпустил свой единственный поэтический сборник «Починок» как раз в годы точно обозначенного писателем «десятилетнего антракта» в украинской литературе, начавшегося после смерти Кобзаря. Зависимость собственной музыки от Шевченко автор не только осознавал, но и пытался найти ей объяснение. Издатель его книги таганрогский книгопродавец И. П. Миронов, представляя читателям нового поэта, писал: «Не можем, к сожалению, не заметить, что некоторые его произведения, как, например, повесть «Поповна», имеет ту же тему, что и «Катерина» Шевченка, но, по уверению автора... это совершенно случайное

стечение, так сказать, тождество двух поэм. Автор «Поповны» глубоко об этом сожалеет, но вместе с тем с некоторой долей гордости радуется, что его муза напоминает нам народного малороссийского гения – Тараса Григоровича Шевченка» [7, с. II–III].

Заметим для себя, что авторская «радость» по поводу несамостоятельности своей музыки – слишком неуместное в данном контексте чувство, даже для литератора 1860 – 1870 гг. XIX века. Разумеется, ни о каком тождестве двух муз в данном случае речи быть не может. Перед нами сознательное моделирование себя и своей поэзии под желанный образец, неприкрытое желание стать вторым Шевченко, если не для всей Украины, то хотя бы для Кубани.

Моделирование второго, «местного» Шевченко начинается с собственной биографии, в которой избирательно, более выпукло подаются факты, сближающие двух поэтов. Как ни странно, но сохранилось очень мало источников, которые помогли бы нам что-то уточнить и перепроверить в жизнеописа-

нии, содержащемся во все том же предисловии издателя И. П. Миронова. Согласно его информации, полученной непосредственно от автора, «И. П. Подушка – уроженец Екатеринославской губернии, Ростовского уезда, сын государственного крестьянина, некогда внук *грустного и удрученного крепака*. Детство свое он провел обыкновенною жизнью мальчика-поселянина; грамоте учился в простой сельской школе под руководством популярного между крестьянами *письменного и начитанного* поселянина. Программа такого образования, конечно, состояла из четырех отделов: азбуки, часослова, псалтыря и писания от азов до складов – тем и кончился курс научного образования Подушки. С причислением в граждане г. Ейска, он был отдан своим отцом к одному купцу в мелочную лавку, в виду будущего торговца» [7, с. I–II]. Эти же факты излагаются в двух опубликованных после смерти И. Подушки некрологах. Первый из них появился в «Кубанских областных ведомостях». За подписью «С», очевидно, скрывается редактор газеты В. В. Скидан, одно время

Дом Ивана Порфирьевича Подушко в Ейске

живший в Ейске и, вероятно, хорошо знавший покойного [8]. Второй некролог появился в львовском журнале «Зоря» за подписью «Вас. Лук.», т. е. редактора издания Василя Лукича [2]. Он представляет собой незатейливую компиляцию из некролога «Кубанских областных ведомостей» и уже цитировавшегося выше предисловия книгопродавца И. П. Миронова. Из редакционной переписки известно, что для «Зори» свой вариант некролога написал украинский поэт Микола Вороний, живший в Ростове-на-Дону (территориально близком к Ейску) и часто бывавший на Кубани. Но его отклик поступил в редакцию уже после того, как была написана заметка самим Лукичом, и он как редактор отдал предпочтение своему сочинению. Очень жаль, так как М. Вороний мог сообщить известные ему как земляку новые детали жизни и творчества И. Подушки (рукопись не сохранилась). Но некоторые, все же просочившиеся сквозь толщину минувшего столетия факты позволяют нам сделать одно правдоподобное предположение. А именно: поэт сам не хотел афишировать подлинную, а не поэтически перелицованную биографию. Доказательств на сегодняшний день у нас, по крайней мере, два. Первое – это письмо самого И. Подушки украинскому писателю и издателю А. Конисскому от 6 мая 1876 г. Отвечая согласием на просьбу последнего прислать свои произведения для задуманной им украинской хрестоматии, он категорически отказался написать для нее автобиографию, дав добро «только на самое краткое и скромное... подстрочное примечание самого издателя» [4, с. 29–30]. Публикатор письма украинский литературовед В. И. Дудко увидел в этом лишь авторскую скромность. Но вспомним, что в «Починке» автор тоже почему-то не сам рассказывает о себе, а передоверяет это издателю. И думается, совсем не случайно. При таком опосредованном информировании читателя не поэт, а сторонний человек творит легенду о новом народном страдальце. Жанр автобиографии потребовал бы собственного рассказа, правды, а не художественного вымысла, и это поэта не устроило, ибо романтизированная «под Шевченко» биография была неотъемлемой частью его творчества, и разрушать ее он не собирался. А разрушать было что. Долгие и

малопродуктивные поиски в архивах позволили нам все же обнаружить два официальных документа, чуть-чуть приоткрывающих подлинную биографию И. П. Подушки. Это переписка об избрании на должности местных почетных мировых судей на очередной трехлетний срок (1885-1888 годы). В первом из них старший председатель Тифлисской судебной палаты запрашивает городского полицмейстера «о нравственных свойствах» избранного ейским съездом мировых судей на должность почетного мирового судьи «ейского купеческого сына Ивана Подушки», а во втором полицмейстер доносит, что «ейский купеческий сын Подушка... хорошей нравственности» [9]. Так мальчик в чужой лавке превращается в мальчика в лавке собственного отца. И этот второй, реальный мальчик гораздо дальше от непридуманного Шевченко, чем первый, из подправленной в угоду поэтической легенде биографии.

А теперь о самой книге и критических откликах на нее. По существу, их было два, но весьма подробных. Один из них, довольно снисходительный, принадлежит перу классика украинской литературы И. С. Нечуй-Левицкого. В свое время он опубликован не был, долгое время хранился в архиве [6] и увидел свет лишь в 1994 г. в малотиражном украинском научном сборнике «Актуальные проблемы современной филологии» [5]. Будь он опубликован вовремя, и, возможно, судьба поэта сложилась бы более благоприятно. К сожалению, при жизни И. Подушки увидела свет лишь разгромная рецензия Ив. Билыка (псевдоним И. Рудченко) в львовском журнале «Правда», навсегда отбившая у молодого поэта охоту представлять на суд читателя свои новые поэтические произведения [1].

Первое, что отмечает И. С. Нечуй-Левицкий, – чисто внешнее подобие двух книг: «Починок» И. Подушки – немалая книга, имеющая в себе 153 страницы в восьмую часть листа, каким было первое издание шевченковского «Кобзаря» [5, с. 69–70]. Добавим от себя: после смерти Шевченко его «Кобзарь» издатели стараются, время от времени, печатать в улучшенном варианте, понимая, что это новая украинская поэтическая Библия. Подражая этим изданиям и мечтая сделать

свою книгу настольной, ейский поэт издает свой «Починок». Для этого он заказывает ее тираж в Санкт-Петербурге, в типографии товарищества «Общественная польза», располагавшейся почти в центре столицы, на Мойке, у Круглого рынка. Обычно первые книги автора в таком улучшенном исполнении ни тогда, ни позже не печатались. Очевидно, расчет был на успех, и строился он целиком на имени Шевченко. Читатель должен был разглядеть и полюбить его черты в молодом кубанском поэте.

Не знаем, как тогдашний рядовой читатель, а И. С. Нечуй-Левицкий легко включился в предложенную поэтом игру. Он пишет: «И. П. Подушка, как видим из той коротенькой биографии, вышел из простого народа, как и Т. Шевченко, и отличается, может, тем, что не был крепостным, служил панам, да к тому же еще и польским панам. В «Починке» п[ан] Подушки мы видим большое влияние украинской народной песни и Шевченко. И. Подушка идет следом за Шевченко и, если можно так сказать, принадлежит к шевченковской школе» [5, с. 70].

Далее критик подробно рассматривает, «что же шевченковского имеет в себе муза Подушки». Во-первых, их близость он видит в «форме», взятой из народной украинской песни. При этом он замечает, что «стихи Подушки напоминают стихи Шевченко», что «некоторые короткие лирические стихи Подушки будто выписаны из «Кобзаря» [5, с. 71]. Второе сходство двух поэтов – в их склонности к написанию прологов и эпилогов к поэмам. Правда, у Подушки «они немного растянуты, в них много плеоназмов, и если бы они были короче, то были бы лучше» [5, с. с. 71]. Третье сходство, о котором И. С. Нечуй-Левицкий говорит особенно подробно, это – тон подушкинской поэзии, «такой же самый, как у Шевченко: тон элегичный, грустный. Муза Подушки, как и Шевченкова, это муза горя, слез, невеселая муза... Как и Шевченкова муза, так и муза Подушки грустна оттого, что они поэты украинские и что у них есть мысль об Украине как нации очень несчастной, с которой история обошлась очень неласково, будто злая мачеха, как нации, которую побила лихая година» [5, с. 71–72].

Как положительный факт, сближающий двух поэтов, критик отмечает и наличие в сборнике «Починок» стихотворений, непосредственно обращенных к Кобзарю: «Могила (На вечную память Т. Г. Шевченко)» и «К портрету Т. Г. Шевченко», в которых отразилось искреннее сочувствие к горькой судьбе украинского гения. И, в конце концов, делается очень лестный для кубанского поэта вывод о том, что «Подушка, как и Шевченко, поэты кругом народные: и сами из простого народа, сами горевали с народом и на себе снесли его горькую долю, и пишут языком истинно народным, и подстраиваются под народную песню так, что трудно распознать, не из самого ли она народа, и сюжеты берут из народной, как Шевченко, из минувшей, тоже народной казацкой жизни» [5, с. 74].

Кстати о сюжетах. И. С. Нечуй-Левицкий тоже не может не заметить, что сюжет поэмы «Поповна», да и героиня ее Настуся, слишком уж напоминают шевченковскую «Катерину». Вот только конец в поэме Подушки другой, но не свой, а тоже заимствованный у Шевченко, из его другой поэмы – «Наймичка». Вот почему с заметным облегчением критик останавливается на другой поэме кубанца – «Пленница», сюжет которой взят из жизни черноморских казаков и кавказских черкесов. В появлении новых сюжетных ходов и поэтических тем критик видит основное различие сравниваемых им поэтов: «Починок» п[ана] Подушки отличается от «Кобзаря», как и наши времена отошли уже далеченько от тех времен, когда жил Шевченко. У п[ана] Подушки уже нет и слова о панщине, нет ничего о панах, да к тому же ляхах-панах, ибо в том далеком краю около Азовского моря и около Ейска, Бог миловал, никогда не было ляхов, разве что ворон, может, когда заносил туда их кости с Полтавщины. В «Починке» не находим ничего о гайдамаках, о давней казатчине, любимые Шевченковы сюжеты, так как там, где живет автор, никогда не было гайдаматчины, и даже тот край не очень давно заняло украинское племя. И если Шевченко назовем поэтом Приднестровской Украины, то п[ана] Подушку можно назвать, пока что, поэтом далекой Восточной Украины, Черноморья и Кавказа» [5, с. 77]. Повторимся: как окрылила бы подобная оценка начинающего

поэта. Но, повторимся, она была обнародована лишь через столетие после его смерти...

Зато широко известным стало другое мнение о книге «Починок», высказанное в авторитетном львовском журнале «Правда». Ив. Билык не пожалел черной краски, чтобы на корню изничтожить молодого поэта с Кубани. Хотя, вынуждены признать, его критика во многом справедлива. Отмечая, как и предшественник, что муза И. Подушки была вызвана к жизни знакомством юного поэта с «Кобзарем», критик иронизирует, что «виршевать наш самоучка начал не от себя, а давай Кобзаря перевишовывать... Слепое следование довело уважаемого Подушку до того, что он самую большую свою поэму «Поповна» сложил из отрывков то из «Катерины», то из «Наймички» [1, с. 521].

И далее Ив. Билык задается тем же вопросом, что и И. С. Нечуй-Левицкий, а именно: «Чем же уважаемый Подушка напоминает нам

славные напевы Тарасовы?» Вот только ответ диаметрально противоположный. Он объясняет, что такую беспощадность критики с его стороны спровоцировал сам поэт, который «за Кобзарем силится голос поднять – образцы с него снимает», а следовательно, и судить его надо в соответствии с заявленным им «гамбургским счетом». А в рамках интересующей нас оппозиции «Шевченко – Подушка» приговор просто убийственен: «Он (Подушка – В. Ч.) берет Шевченковы стихи, перекручивает их, переиначивает – и выдает за свои «бессмертные» творения» [1, с. 525].

Чья оценка творчества И. Подушки оказалась более точной и объективной? На вопрос ответим констатацией простого факта: с момента выхода «Починка» в 1871 г. и до сих пор в украинских поэтических антологиях не было перепечатано из него пока ни одного стихотворения.

И. П. ПОДУШКА ЕЙСКІЕ ПЕСНИ И ДУМЫ

IVAN P. PODUSHKO EYSK SONGS AND DUMY

Пришла весна, цветы поблекли,
И лист иссохший шелестит,
Повеет ветер и остаток
Прочь, прочь по полю полетит..
Опять весна настанет – снова
Цветы на поле прорастут,
Наступит лето – и повянут,
И с поля дружно пропадут..
Проходит время, мир стареет,
И, как цветы – проходят люди..
Иных уж нет... Жизнь молодеет,
Тебя ж, тебя..
Тебя не будет..

СЕРДЦУ

Что ты ноешь, что ты плачешь,
И зачем воркуешь,
Мое бедное сердечко,
Или беду чуешь?

Может лихо и несчастье
Ты мне предвещаешь,
Если так, то разве, сердце,
Ты того не знаешь,
Что без доли родились мы,
Ни в чем не повинны,
Так, без счастья, видно, в свете,
С тобой и загинем.
Перестань же, мое сердце,
Ныть и ворковать;
Перестань, мое дитяти,
Тоску нагонять...

СТАРЫМ ДЕВАМ

Девчата на свете,
Так, как те лимоны,
Пока они свежи –
То и соком полны,
А как поприсохли,
Да пылью припали,
Тогда – хоть их выбрось,
Они уж пропали!
Пятна, цвель покроют,
Запаха не станет,
Отдай по копейке –
Никто и не глянет!
Какой, разве, немец
На сок таких купит,
Или на похмелье
Кто шкурку облупит...

ПЕСНЯ

Шумит море и играет,
Дева негодует:
«Где мой милый, чернобровый,
Где он там ночует?»
Шумит море и играет,
Волнами бушует,
Стоит дева, как былинка,
Плачет и горюет:
«Ты плачешь ли, как я плачу,
Утирая слезы?
Остался ли там навеки,
А, может, в дороге?»

Н. Н. Н-ВОЙ

Принимаю тебя, сердце,
 Да в новой светлице,
 Пошли, Боже, долю, счастье
 Жить и веселиться!
 Живи, люби свою пташку –
 Дитяточко-дочку,
 И у Бога доброй доли
 Проси ангелочку...
 На недругов – будь им пусто! –
 Махни ты рукою:
 Их призванье в белом свете –
 Водиться с брехнею.
 Пусть куют худую славу,
 Пока их горнило
 Не рвануло, и самих их
 Пока не побило...

Н. Н.

Молись, сердечко мое,
 Сердцем и душою.
 Проси Бога, чтоб навеки
 Быть тебе со мною.

Мир, о, мир наш,
 Смешной мир наш,
 Смешно люди все живут..
 И я смешной, и все смешны,
 И смешными все умрут!

Н....Й

О! Придет ли та минута,
 Та пора святая,
 Снизойдет ли ко мне доля,
 Слезы осушая?
 Когда очи просветлеют,
 Сердце освежится,
 Душа выйдет из могилы
 В чистую светлицу?..

МОЛИТВА

Слава Тебе, милосердный,
 Что я не женился!
 С новым лихом в белом свете
 Что не подружился...

Лучше буду один в мире
Горевать, страдая,
Сам с несчастьями бороться
Смерти ожидая...
Не мешало бы жениться –
Только, где ж подруга
Надежное найду сердце,
Любимого друга?
Есть немало их, богатых,
В золото «убратых»;
Взять бы можно, да что с того,
Разве, что богаты?..
Я хотел бы подружиться
Сердцем и душою,
Чтоб делилась бы всем в жизни
Поровну со мною;
Вдвоем легче горе маять,
Плакать и смеяться,
Чтоб, когда совет спрошу я –
Могла б отозваться...
Не найду такую, вижу,
Зачем же жениться?
А на деньги, на золото,
Не хочу решиться.
Зачем оно, то золото,
Из камня палаты;
Зачем они... как сказать бы?
Не любы, богаты...
Лучше жить мне сиротою,
С волею святою,
С натурой казацкою,
С чистою душою.
Земля свята-моя хата,
Крыша моя – небо,
Солнце, месяц, ясны звезды,
И – хватило мне бы...

Я С ВОЛЕЙ

Орлом сизокрылым
Облетаю чисто поле,
Сяду на могилу.
Встрепенусь и полечу
И у моря стану,
А оттуда поднимусь,
И неба достану.
Запою я одиноко,
С радости ли, с горя,
Усмехнусь – или заплачу –
Один на просторе.

МАТЕРИ

Не плачь, моя мама, не плачь, не печалься,
 Не лей горьки слезы, к Богу обращайся –
 Молись же святому, и не верь злым людям,
 Разве ты не знаешь – кого не осудят!..
 Пусть они смеются, пусть они и судят,-
 Отвечать за это перед Богом будут;
 А ты, моя мама, ты моя, едина,
 Не воркуй, голубка, не плачь ты за сыном:
 Он ведь твой навеки, сердцем и душою;
 Он ведь твой любимый, и вечно с тобою
 Сердцем будет жить он, и навек любить,
 И за тебя, мама, Господа молить...

ПАМЯТИ Г. Г. Р – ЛЬ

Что ты, море, так притихло,
 Что ты замолчало?
 Не играешь ты волнами,
 Как летом играло?
 Что ты спишь сном богатырским,
 Ничего не слышишь;
 Всегда тихо, как мертвец тот,
 День ли, ночь - не дышишь...
 Ты, бывало, расшумишься,
 Предела не знаешь:
 Дыбишь волны, горячишься,
 Корабли ломаешь.
 Было редко тебя видеть,
 Чтоб волной не било;
 Теперь, будто ты все плачешь,
 И стонешь уныло...
 Богатырскою рукою
 Ты всем управляло,
 И гордилось ты собою,
 И волной играло...
 ...Так и старость человека
 С годами смиряет,
 Душа, сердце, разум – те же,
 Ума не хватает!..

Перевод с украинского языка Агафьи Сагал

Использованная литература:

1. Білик Ів. Перегляд літературних новин. III. Починок Івана Подушки. СПб. 1871 р. // Правда. 1873. № 13. 16 (28) верес. С. 519-528.
2. Вас. Лук[ич]. Іван Подушка // Зоря. 1895. № 7. С. 140.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 454. Оп. 2. Д. 75. Л. 50, 53.
4. Дудко В. И. Читая письма В. Мовы (Лиманского) // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1997. №1. С. 27-30.
5. Лобас П. О. Іван Нечуй-Левицький – критик і дослідник української драматургії та поезії // Актуальні проблеми сучасної філології. Літературознавство: зб. наук. пр. Рівне: [б. в.], 1994. С. 64-80.
6. Нечуй-Левицький І. С. Бібліографія. «Починок. Написав Іван П. Подушка...» // Львовская научная библиотека им. В. Стефаника. Ф. II. Д. 4607. П. 300. Л. 1-5.
7. Починок Івана Подушки. Спб: Тип. т-ва «Общественная польза», 1871.
8. С[кидан, В. В.]. І. П. Подушка // Кубанские областные ведомости. 1895. 25 февр. № 44.
9. Франко І. Михайло Петрович Старицький // Іван Франко. Зібрання творів у п'ятдесяти томах. Т. 33. Київ: Наукова думка, 1982. С. 230-277.
10. Чумаченко В. К. Рецепція Т. Г. Шевченко в літературній традиції кубанських казаків // Психологічні властивості сучасного історичного знання: Мат-лы II міждунар. раб. семінара по іст. психології (8 февраль 2003 г., Краснодар). / Отв. ред. С. С. Минц. Краснодар: изд-во Кубанского гос. ун-та, 2003. С. 190-197.

References:

1. Bilyk, Iv., Pereglyad literaturnykh novyn. III. Pochynok Yvana Podushky. Sankt-Peterburg. 1871 rik (Review of the Literary News. Ivan Podushka's Pochinok. Saint Petersburg. 1871), *Pravda*, 1873, August 16 (28), no. 13, pp. 519-528.
2. Vas. Luk[ich], Ivan Podushka (Ivan Podushka), *Zorya*, 1895, no. 7, p. 140.
3. *State Archives of the Krasnodar Region (GAKK)*, Fund 454, Inventory 2, File 75, sh. 50, 53.
4. Dudko, V. I., Chitaya pis'ma V. Mova (Limanskogo) (Reading the Letters by Vasily Mova (Limanskiy)), in *Kuban: problemy kul'tury i informatizatsii*, 1997, no. 1, pp. 27-30.
5. Lobas, P. O., Ivan Nechuy-Levyc'kyi – krytyk i doslidnyk ukrai'ns'koi' dramaturgii' ta poezii' (Ivan Nechui-Levitsky as a Critic and Researcher of Ukrainian Drama and Poetry), in *Aktual'ni problemy suchasnoi' filologii'. Literaturoznavstvo: Proc.*, Rivne: no publ., 1994, pp. 64-80.
6. Nechuy-Levyc'kyi, I. S., Bibliografiya. «Pochynok. Napysav Ivan P. Podushka...» (Bibliography. Pochinok. Writen by Ivan Podushka), in *L'vovskaya nauchnaya biblioteka imeni V. Stefanyka*. Fund 2, File 4607, Pack 300, sh. 1-5.
7. *Pochinok Ivana Podushki* (Pochinok by Ivan Podushka), Saint Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za", 1871.
8. S[kidan, V. V.] I. P. Podushka (Ivan P. Podushka), *Kubanskie oblastnye vedomosti*, 1895, February 25, no. 44.
9. Franko, I., Myhaylo Petrovych Staryts'kyi (Mikhaylo P. Staritskiy), in *Ivan Franko. Zibrannya tvoriv u p'yatdesyaty tomakh*, vol. 33, Kii'v: Naukova dumka, 1982, pp. 230-277.
10. Chumachenko, V. K., Retseptsiya T. G. Shevchenko v literaturnoy traditsii kubanskikh kazakov (Shevchenko's Reception in the Literary Tradition of the Kuban Cossacks), in *Psikhologicheskie svoystva sovremennogo istoricheskogo znaniya: Proc. 2nd Int. Working Seminar on Historical Psychology. February 8, 2003, Krasnodar*, Krasnodar: Izdatel'stvo Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003, pp. 190-197.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Чумаченко, В. К. Ейский поэт Иван Подушко: к антропологии провинциального литература [Электронный ресурс] / В. К. Чумаченко // *Наследие веков*. – 2017. – № 1. – С. 35–45. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/04/2017_1_Chumachenko.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Chumachenko, V. K., Eyskiy poet Ivan Podushko: k antropologii provintsial'nogo literatara (Yeisk Poet Ivan Podushko: to the Anthropology of Provincial Writer), *Nasledie Vekov*, 2017, no. 7 pp. 35-45. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/04/2017_1_Chumachenko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.